

УДК 94(47).047/048(571)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34

Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа

А. С. Зуев

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются основные факты биографии одного из вождей забайкальских конных тунгусов (эвенков) Гантимура, который в 1666/67 году перешел из-под власти маньчжуров в российское подданство. Критикуется широко распространенная в исторических, историко-краеведческих и генеалогических сочинениях версия о принадлежности Гантимура к маньчжурской властной элите. Аргументированно доказывается, что эта версия не соответствует историческим реалиям и является мифом, который придумали внуки Гантимура. Делается вывод о том, что Гантимур не входил в состав маньчжурской элиты и не принимал участие в походах маньчжуров на Амур.

Ключевые слова

Гантимур, тунгусы, Забайкалье, русско-маньчжурские отношения

Для цитирования

Зуев А. С. Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 9–34. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34

Boyar Gantimur from Bogdoy Khan: Birth and Debunk of a Myth

A. S. Zuev

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article discusses the main facts about one of the leaders of the nomadic Ewenkis of Transbaikalia – Gantimur, who in 1666/67 left Qing empire and got through the process of naturalization in Russia. The author criticizes the narrative that is widespread in the state and local historical works and genealogical writings. According to it, Gantimur belonged to the Manchu ruling elite and allegedly participated in 1655 in the attack on the Russian Komarsky ostrog (fortress), located on the right bank of the Amur. Based on the analysis of a broad range of archival and published sources (petitions of Gantimur and his descendants, reports of Russian explorers and administrators, diplomatic documents drawn up during the Russian-Manchu negotiations) and historical research, it is shown, how this narrative appeared and became prevalent. The author proves that this historical myth does not correspond to real facts and was fabricated by the grandchildren of Gantimur in order to improve their status in the Russian social hierarchy and increase wealth. This article concludes by arguing that Gantimur was not part of the Manchu elite and did not take part in the Manchu campaigns on the Amur river.

Keywords

Gantimur, Tungus, Transbaikalia, Russian-Manchu Relations

For citation

Zuev A. S. Boyar Gantimur from Bogdoy Khan: Birth and Debunk of a Myth. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8: History, p. 9–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34

© А. С. Зуев, 2020

В исторической и историко-этнографической литературе проявлялся и проявляется повышенный интерес к личности одного из забайкальских тунгусских вождей – Гантимура. Вызвано это в первую очередь и в основном тем обстоятельством, что по его поводу во второй половине 1660-х – 1680-х гг. развернулась жаркая дипломатическая дискуссия между Россией и маньчжурским Китаем. Каждая из сторон считала Гантимура своим подданным, и вплоть до заключения Нерчинского договора 1689 г. в русско-маньчжурских отношениях проблеме его «государственной принадлежности» уделялось очень много внимания. Пожалуй, за исключением хана Кучума, никто больше из представителей властной элиты сибирских народов не оказывался главным героем такого большого количества специальных публикаций, как это случилось с Гантимуром (см., например: [Арсеньев, 1904; Серебренников, [б. г.]; Артемьев, 1992; 1995; Artemyev, 1992; Дамдинов, 1996; Элерт, 2000; Болонев, 2002; Аинчина, 2006; Хартанович, Хартанович, 2011; Григорьева, 2011; Соломин, 2016]). Однако внимательное прочтение сохранившихся источников, представленных донесениями русских землепроходцев и администраторов, дипломатическими документами, а также челобитными самого Гантимура и его потомков, показывает, что в историографии, в большей или меньшей степени освещающей биографию Гантимура, содержатся противоречивые интерпретации, неточности и ошибки. Это касается многих известных фактов из жизни Гантимура и его контактов с русскими и маньчжурами. Такая историографическая ситуация стала следствием как скудости и противоречивости тех сведений, которые отражены в источниках, так и – в большей степени – не критического и доверчивого восприятия этих сведений историками, этнографами, а также краеведами.

Наибольшее недоумение в жизнеописании Гантимура, сочиненном историками, вызывает утверждение о его службе маньчжурам и о наличии у него высокого статуса в маньчжурской властной иерархии. Это утверждение было высказано историками еще в XIX в., к концу XX в. оно прочно вошло в историографию, а в начале XXI в. было широко растиражировано краеведами-популяризаторами с помощью интернета и, по сути, превратилось в непреложный факт из биографии Гантимура. Но это утверждение, как мы выяснили, основано на сведениях всего одного документа, и оно абсолютно не подтверждается другими известными источниками, содержащими разного рода информацию о Гантимуре. Данное обстоятельство неизбежно заставляет по-новому, на основе внимательного анализа всей совокупности дошедших до нас сведений и критической оценки историографии рассмотреть «маньчжурский эпизод» в биографии Гантимура.

Впервые о Гантимуре русские (казаки из отряда Е. П. Хабарова) узнали либо в конце 1650 г., либо в начале 1651 г. Тогда он возглавлял одну из территориальных групп забайкальских конных тунгусов (эвенков) – нелюдов, обитавших в верховьях р. Шилки, в районе между устьями рек Онона и Нерчи. Первоначально отношения между нелюдами и казаками-землепроходцами имели мирный характер, и Гантимур даже без всякого принуждения, «волею своею», давал русским ясак. В конце 1653 г. казаки (отряд М. Уразова) поставили на территории нелюдов – на правом берегу р. Шилки «против устья Нерчи реки» – «малый острожек» (Шилкский острожек). Это вызвало враждебное отношение Гантимура к русским. А в сентябре 1656 г. «беглые воровские казаки Филька Полетай с товарищи» совершили разбойные нападения на тунгусов, обитавших на реках Ингода и Шилка, в том числе «ясачных нелюдских Гантимуровых людей погромили и скот и ясырь поймали». В результате Гантимур со своими нелюдами, а также еще несколько «родов» забайкальских конных тунгусов откочевали с территории, над которой русские устанавливали свою власть. В каком конкретно году прошла эта откочевка, не известно, но вполне определенно во второй половине 1650-х гг. Новым местом обитания переселенцев стал район реки Наун (Нонни, ныне – р. Нэньцзян, приток р. Сунгари), который в то время находился в процессе включения в состав цинского (маньчжурского) Китая (см. подробнее: [Зуев, 2012; 2013а]).

В мае 1670 г. нерчинский воевода Д. Д. Аршинский отправил в Сибирский приказ отписку, в которой сообщил, что «в прошлом... во 175 (1666/67. – А. З.) году при Ларионе Толбу-

зине пришел из Богдойские земли¹ в Нерчинской острог под вашу великих государей царьскую самодержавную высокую руку князец, родом тунгус Нелюдцково роду, Гантимур з детьми и з братьями и с улусными своими людьми, 40 человек. И ныне тот Гантимур з детьми и з братьями и с улусными людьми платит вам, великим государем, ясак в Нерчинском остроге по 3 соболя с человека»² [АИ, 1842. С. 455; РКО, 1969. С. 275]. Об обстоятельствах ухода Гантимура из-под власти богдойского царя (богдыхана – правителя маньчжурского цинского Китая) на свои породные земли в район Нерчинска, основанного в 1658 г., достоверно ничего не известно.

После возвращения на родовые кочевья Гантимур, его сыновья и их улусные люди были обложены ясаком, записаны в ясачные книги по Нерчинскому уезду и, соответственно, стали подданными русского царя³ [АИ, 1842. С. 455; ДАИ, 1857. С. 41, 45; РКО, 1969. С. 275; Паршин, 1844б. С. 207]. Все известные нам источники свидетельствуют, что они проявляли полную лояльность русской власти. В середине 1670-х гг. Гантимур и его сын Катанай были персонально освобождены от уплаты ясака⁴.

В 1670 г. маньчжуры впервые поставили перед русскими вопрос о возвращении Гантимура и его «рода» в богдойские пределы. В последующем они выдвигали эти требования в 1676, 1682, 1683 и 1685/86 гг. (см.: [Журнал..., 1823. С. 37, 38, 55; Дипломатическое собрание..., 1882. С. 37; РКО, 1969. С. 16, 17, 19, 20, 21, 272, 276, 411, 441, 443, 504–506; 1972. С. 665, 774; ДАИ, 1867. С. 233, 239, 260–262, 349–350; Успенский, 2012. С. 14]). После того как маньчжуры узнали о смерти Гантимура, они стали добиваться возвращения его «родников», но русские власти неизменно отказывались это сделать. Русско-маньчжурские прения по поводу Гантимура и его «рода» обстоятельно освещены в исследовательской литературе. И хотя ряд моментов, связанных с причинами настойчивых требований маньчжуров, остаются непроясненными или дискуссионными, в целом картина представляется вполне понятной. Цинское правительство добивалось выдачи тунгусов-нелюдов как своих подданных («ясачных людей»), бежавших к русским. Оно рассчитывало на то, что их возвращение, во-первых, приведет к «экстрадиции» других беглецов-тунгусов, ушедших к русским вслед за Гантимуром, во-вторых, станет предупреждением тем (тунгусам, даурам и дючерам), кто намеревался уйти из-под маньчжурской власти в русские пределы. Русское правительство, со своей стороны, считало Гантимура своим давним подданным и понимало (как, кстати, и маньчжуры), что его выдача может привести к ослаблению русских позиций в Забайкалье и Приамурье: местные «иноземцы» потеряли бы веру в силу и мощь русского царя и переориентировались бы на царя богдойского, а это существенно облегчило бы маньчжурам борьбу с русскими за Приамурье. Спор по поводу возвращения гантимурова «рода» завершился в 1689 г.: при заключении российско-китайского Нерчинского мирного договора цинские дипломаты согласились с тем, чтобы потомки Гантимура остались в русском подданстве (подробнее см.: [Яковлева, 1958. С. 32–37, 109–111, 119, 133, 146, 165, 179; Внешняя политика..., 1977. С. 287, 291, 299, 302–306, 310, 324; Мясников, 1980. С. 116–252; Александров, 1984. С. 87–91, 96, 98, 136, 190]⁵).

В июне 1684 г. Гантимур и его сын Катанай приняли «православную христианскую веру». Крещение состоялось в Нерчинске. При крещении Гантимур получил имя Петр, а Катанай – Павел. После этого они оба, а также сын Катаная Чекулай в сопровождении нерчинских слу-

¹ Богдойской землей (царством) русские в то время называли маньчжурский цинский Китай.

² НИА СПб. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Кн. 3. Л. 157 об. Аналогичную информацию Д. Д. Аршинский отправил и тобольскому воеводе П. И. Годунову в майской отписке того же 1670 г. (см.: [ДАИ, 1857. С. 41]).

³ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 28–29; Оп. 3. Стб. 1355. Л. 63, 66; Ф. 62. Оп. 1. Кн. 3. Л. 157 об.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 66. См. также: Там же. Л. 59, 64; Оп. 1. Кн. 1388. Л. 28 об.; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 4; СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 33–33 об.

⁵ Гантимур упоминается и в зарубежных исследованиях, посвященных истории русско-маньчжурских отношений второй половины XVII в., см., например: [Baddeley, 1919. P. 291, 426, 428; Mancall, 1971. P. 87–88, 100; Bergholz, 1993. P. 202, 203, 216; Gelber, 2008. P. 157–158].

жилых людей – сына боярского И. М. Милованова и казака (толмача с монгольского) С. Г. Молодого были отправлены из Нерчинска в Москву в Сибирский приказ. В начале сентября того же года они прибыли в Енисейск, где Гантимур был распрошен местным воеводой К. О. Щербатым. Во время путешествия Гантимур, бывший уже весьма в преклонном возрасте, скончался в Нарыме в октябре месяце. А его сын и внук, а также Милованов и Молодой прибыли в Москву в Сибирский приказ 23 февраля 1685 г.⁶

Российское правительство щедро наградило Катаная-Павла и Чекулая. Катанай получил чин дворянина по московскому списку с ежегодным довольствием и предписанием нести службу в Нерчинске, ему также был пожалован титул князя. После 18 марта 1685 г. новоиспеченный князь в сопровождении все тех же Милованова и Молодого выехал из Москвы в Нерчинск. Чекулай был оставлен в Москве, где его крестили и также пожаловали титулом князя⁷ [Высочайше учрежденная..., 1898. Приложения. С. 13–15]. Следует отметить, что с этого времени за потомками Гантимура с подачи русских властей закрепилась фамилия «Гантимуровы».

Изложенное выше дает в целом точное представление об известных фактах из биографии Гантимура. Однако в эту биографию усилиями ряда историков был вписан один, но очень важный эпизод, касавшийся пребывания Гантимура в Маньчжурии. Описание и трактовка данного эпизода основывались на грамоте Сибирского приказа от 30 декабря 1710 г., посланной нерчинскому воеводе Ф. Р. Качанову. В ней пересказывалась челобитная внуков Гантимура, детей Катаная-Павла – Лариона и Лазаря, поданная ими Ф. Р. Качанову в том же 1710 г. В этой челобитной излагались заслуги Гантимура и Катаная перед «великим государем», в том числе содержалась следующая информация: «В челобитной их написано: в прошлых де давних годех дед их, Гантимур, служил богдойскому царю четвертным⁸ боярином, и был владетель, и имел под собою воины, и от богдойского царя с братом его царским⁹ послан был на службу красным воеводою особым полком под Комарский острог на русских людей с войною; и будучи де дед их, Гантимур, под тем Комарским острогом, узря, что русских людей житье доброе, и поревновав доброму тому житью, похотел нам, великому государю, служить и под Комарским острогом с русскими людьми бою не дал, и как отступили полки, и он, дед их, с детьми своими и с родом своим, которых под ним были, из державы Богдойского государства отошел и пришел в Нерчинск с детьми своими и со всем родом, поклонился нам, великому государю, больши пятисот человек; и многия за ним, дедом, от богдойского царя погони были, и от тех погонщиков отбился и многия раны принял <...> он, дед их Гантимур, как служил в Китайском государстве и брал жалованье по тысячи по двести лан серебра да три коробки золота» [Высочайше учрежденная..., 1898. Приложения. С. 20–21]. Поскольку грамота являлась официальным документом, данным, пусть и формально, от имени царя, то и изложенная в ней информация приобретала официальный характер, к тому же высочайше утвержденный.

К сожалению, оригинал грамоты, равно как и челобитной Лариона и Лазаря, обнаружить не удалось. Но грамота хранилась в нерчинском архиве, а для Гантимуровых с нее была сделана копия. Об этом убедительно свидетельствует периодическое, по крайней мере на протяжении XVIII в., обращение к ней как местной администрации (Нерчинской воеводской, Удинской и Иркутской провинциальных канцелярий), так и потомков Лариона в тех случаях, когда возникал вопрос о служебной карьере этих самых потомков. В результате с грамоты делались очередные копии, включавшиеся в делопроизводственные документы¹⁰. В 1735 г.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 924. Л. 27, 28, 30, 47, 47 об., 187; Стб. 1355. Л. 59–66 об., 112–118, 129–132, 138.

⁷ См.: Там же. Стб. 1355. Л. 67–71, 74–111. См. также: Там же. Стб. 924. Л. 37, 39, 99, 278; Стб. 973. Л. 205–206; Оп. 1. Кн. 1388. Л. 28 об. – 29; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 70. Л. 41–45; СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 34–35 об.

⁸ В оригинале, должно быть, было «четвертым».

⁹ В реальности богдойским войском под Комарским острогом командовал шаншу дутун (гушань-эчжэнь) Миньяндали [РКО, 1972. С. 660; Внешняя политика..., 1977. С. 270].

¹⁰ Нам удалось выявить несколько копий грамот, составленных в 1753 г. (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 3. Е. х. 84. Л. 2–4; ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 165. Л. 35–36 об.) и 1777 г. (ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 165. Л. 26–28 об.). Одна из копий гра-

копия была сделана для Г. Ф. Миллера¹¹, который, будучи в Нерчинске, общался с сыновьями Лариона – Андреем и Алексеем, и изложил в своем путевом дневнике информацию о службе Гантимура богдойскому царю [Элерт, 2000. С. 417, 419]. Эта же информация, извлеченная из упомянутой грамоты, была представлена в 1792 г. в «Топографическом описании Иркутского наместничества, собранном из разных достоверных сведений, присылаемых в наместническое правление» [Описание..., 1988. С. 117–118] и в «Дипломатическом собрании дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год», составленном Н. Н. Бантыш-Каменским на основе документов московского архива коллегии иностранных дел (опубл. в 1882 г.) [Дипломатическое собрание..., 1882. С. VII, IX, 14–15], а в 1822 г. – в сочинении Г. И. Спасского «Исторические сведения о сибирских тунгусах вообще и о забайкальских в особенности» (копию грамоты автор получил от Гантимуровых [Спасский, 1822. С. 343–345]). Копии грамоты хранились и у Гантимуровых (см.: [Дамдинов, 1996. С. 17–18]). В 1891 г. во время путешествия по Забайкалью наследника престола, будущего императора Николая II они подали ему «адрес», в котором помимо прочего упоминалось о службе Гантимура «четвертым боярином богдойского царя» [Ухтомский, 1992. С. 10]. Наконец, в 1898 г. полный текст одной из копий грамоты, извлеченной из архива Забайкальского областного управления, был опубликован А. П. Щербачевым в материалах комиссии А. Н. Куломзина [Высочайше учрежденная..., 1898. Приложения. С. 20–22].

В конце XIX в. некоторые из Гантимуровых были причислены к российскому дворянству, после чего в 1901 г. им был пожалован герб, включенный в 17-ю часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» [Общий гербовник..., С. 7–8; Указатель..., 1910. С. 31]¹². На гербе, явно по просьбе Гантимуровых, помимо прочего были изображены иероглифы. В комментарии к гербу сказано, что эти «маньчжурские знаки» означают слово «хан». Маньчжуры, как известно, использовали китайскую письменность. С китайского же эти иероглифы с большой долей сомнения можно транслитерировать как «хан ду му ла» или «хан те му ла»¹³, а саму эту надпись интерпретировать либо как «хан Тимур», либо как «Гантимур». Но что бы ни означали китайские иероглифы на гербе, их присутствие там однозначно говорит о том, что Гантимуровы стремились зафиксировать маньчжуро-китайский след в своей родословной биографии.

Многие исследователи полностью доверились челобитной Лариона и Лазаря Гантимуровых о службе Гантимура маньчжурам, но при этом по-разному расшифровывали загадочное звание «четвертной боярин»: «четвертной (четвертый) боярин» [Трусевич, 1882. С. 21; Александров, 1984. С. 86; Дамдинов, 1996. С. 15–18; Элерт, 2000. С. 419, 420; Самбуева, 2003. С. 28], «боярин 4-го класса» [Любимов, 1910. С. 48; Иванчик, Кононенко, 2016. С. 10], «четвертый воевода» [Паршин, 1844а. С. 134], «ближний сановник богдохана» [Спасский, 1822. С. 343]¹⁴, «четвертый сановник в Китайском государстве» [Русская родословная книга, 1873. С. 50; Лобанов-Ростовский, 1895. С. 127], «известный сановник Поднебесной империи» [Карнович, 1885. С. 152], «ближний советник богдыхана» [Шумахер, 1879. С. 173–174], «мандарин»¹⁵ [Серебренников, [б. г.]. С. 3; Perdue, 2005. P. 165], «большой государственный пост» [Аинчина, 2006. С. 94], «высокий чин цзолина» [Мелихов, 1974. С. 67; 1982б. С. 82–83; Тихвинский, 1977. С. 321; Artemyev, 1992. P. 8; Артемьев, 1992. С. 8; 1995. С. 48; Хартанович,

моты, обнаруженная В. А. Туголуковым, хранится в архиве Русского географического общества (НА РГО. Р. 55. Оп. 1. Д. 13. Л. 258–261) [Туголуков, 1975. С. 100].

¹¹ См.: СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 37 – 39 об.

¹² См. также: Справка о дворянах Гантимуровых (РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–10) // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/Burjatia/XX/1900-1920/Gantimurov/text.htm> (дата обращения 06.06.2014).

¹³ Транслитерация надписи на гербе Гантимуровых по нашей просьбе сделана профессором кафедры востоковедения НГУ, китаеведом С. А. Комиссаровым.

¹⁴ При издании этой работы Г. С. Спасского на английском языке звание «ближний сановник богдохана» было переведено как «премьер-министр богдохана» («prime minister of the Bogdo Khan») [Some Account of the Tungousians..., 1824. P. 594].

¹⁵ Мандаринами европейцы называли китайских чиновников высокого ранга.

Хартанович, 2011. С. 74; Соломин, 2016. С. 25]¹⁶, «чин командира ниру» [Мазуров, Пастухов, 2009. С. 194], «четвертый чин» в служилой маньчжурской иерархии [Александров, 1984. С. 86; Уварова, 2004. С. 48]. Некоторые историки просто отмечали, что Гантимур «служил китайскому императору» [Дипломатическое собрание..., 1882. С. 548; Щеглов, 1993. С. 86], получал от него «чиновничьи звания» [Беспрозванных, 1986. С. 51; Попов, 2004. С. 71] и занимал «видные воинские должности в маньчжурской армии» [Сладковский, 1957. С. 19]. В публикациях по генеалогии высказывалось даже утверждение (без каких-либо доказательств) о ближайшем родстве Гантимура с маньчжурским богдыханом [Русская родословная книга, 1873. С. 50; Карнович, 1885. С. 152; Лобанов-Ростовский, 1895. С. 127; Соломин, 2016. С. 25; Гантимуровы, 1892. С. 96].

Признавая факт службы Гантимура маньчжурам, историки, соответственно, не сомневались в том, что он был послан богдыханом «на русских людей с войною». Правда, наряду с теми, кто вслед за упомянутой челобитной в качестве объекта нападения указывал Комарский (Кумарский) острог [Спасский, 1822. С. 343; Паршин, 1844а. С. 132; Шумахер, 1879. С. 173–174; Трусевич, 1882. С. 21; Серебренников, [б. г.]. С. 3; Яковлева, 1958. С. 35; Мелихов, 1974. С. 67; Artemyev, 1992. Р. 8; Артемьев, 1992. С. 9; 1995. С. 48; Элерт, 2000. С. 419, 420; Самбуева, 2003. С. 28; Хартанович, Хартанович, 2011. С. 74; Хазанкович, 2008. С. 172] (см. также: [Мазуров, Пастухов, 2009. С. 121, 167, 195; Максимов, 1871. С. 302]), были и те, кто под этим объектом видели Аргунский острог [Князь Гантимур, 1885. С. 3; Гантимуровы, 1892. С. 96], некие «Аргунский остров» [Русская родословная книга, 1873. С. 50; Карнович, 1885. С. 152; Лобанов-Ростовский, 1895. С. 127], «Аргутинский остров» [Думин, 1996. С. 215; Богуславский, 2004. С. 305] или в целом – весь Амур [Александров, 1984. С. 87; Беспрозванных, 1986. С. 51].

Заметим, правда, что ряд историков, затрагивая в своих исследованиях вопрос о пребывании Гантимура в Маньчжурии, вообще не упоминали о каком-либо его маньчжурском чине. Однако при этом они никак не комментировали версию, изложенную в челобитной Лариона и Лазаря, несомненно, им известную, просто обходя ее молчанием [Яковлева, 1958. С. 35–36; Мясников, 1980. С. 114; 1996. С. 79, 83; Туголуков, 1975. С. 79–80; Болонев, 2002. С. 28–30]¹⁷. Единственным, кто обратил на нее внимание, был П. А. Словоцов, который еще в 1838 г. заметил, что можно считать «тунгусской сказкой» «будто бы Гантимур-отец, когда жил при Науне, считался у богдохана четвертым боярином» [Словоцов, 1995. С. 185].

Челобитная Лариона и Лазаря Гантимуровых, поданная ими в 1710 г., – единственный введенный в научный оборот источник, содержащий информацию о службе Гантимура богдойскому царю и об его участии в походе на Комарский острог. Но насколько эта информация достоверна и можно ли вообще ей доверять? Как ни странно, никто из историков никогда не пытался подвергнуть ее критическому анализу, хотя все известные на сегодняшний день документальные и нарративные источники (русскоязычные и переведенные на русский язык маньчжурские и китайские), заставляют сильно усомниться в ее правдивости.

В 1670–1680-х гг. в посланиях богдыхана русскому «белому царю» и речах цинских дипломатов Гантимур обозначался как «звероловец солон»¹⁸, «соболей промышленник», «тунгус», «мужик», «человек», «беглец», «перебежчик», «подданный бугдыханов» или же просто по имени [Журнал..., 1823. С. 38, 43, 44, 52, 53, 55, 58, 59, 60, 61, 62; Ивановский, 1888. С. 200, 202, 205–207, 211–215, 220; Некоторые маньчжурские документы..., 1912. С. 84–87; РКО, 1969. С. 272, 276, 380, 381, 385, 411, 414, 433, 441, 443, 446, 448, 449, 454, 498, 504, 506;

¹⁶ Этой же точки зрения, следуя историографической традиции, придерживался ранее и автор данной статьи [Зуев, 2009. С. 368].

¹⁷ О службе Гантимура маньчжурам перестал упоминать и А. Р. Артемьев [Артемьев, 1999. С. 50].

¹⁸ Солонами маньчжуры называли коренное население верхнего бассейна р. Амур до впадения в него р. Зеи. К началу 1640-х гг. солоньки оказались «в даннической зависимости от государства Цин» [Мелихов, 1982а. С. 21; Цыбенков, 2011. С. 241].

1972. С. 139, 140, 548, 665, 669, 683, 685; РМО, 2000. С. 53, 62; Успенский, 2012. С. 14]¹⁹. Два раза в информации, исходящей с маньчжурской стороны, Гантимур назван «князцом»: в 1674/75 г. – «князьцом тунгуским» [РКО, 1969. С. 475], в 1688 г. – «богдойским князцом» [РКО, 1972. С. 392]. В обоих этих случаях на русский язык было переведено какое-то маньчжурское слово, являвшееся по значению аналогом русского слова «князец» и, соответственно, идентифицировавшее Гантимура как вождя-предводителя невысокого ранга. При этом в первом случае уточнялось, что он является представителем властной элиты тунгусов, а во втором случае указывалось на его принадлежность к подданным богдыхана. И лишь один раз (в докладе богдыхану будущего главы маньчжурского посольства на переговорах с русскими в Нерчинске в 1689 г. Сонготу) имя Гантимура упоминается рядом с маньчжурским чином: «мы требуем, чтобы русские вернули нам наших перебежчиков – Гантимура и других трех цолинов, а также несколько человек, перебежавших позднее» [РКО, 1972. С. 685]²⁰. Именно это упоминание и позволило некоторым историкам, как говорилось выше, приписать Гантимур «высокий чин цолина». Однако, во-первых, приведенная формулировка из доклада Сонготу не увязывает прямо этот чин с Гантимуром, ее можно трактовать и следующим образом: чин цолина имели только три других перебежчика, но не Гантимур. Во-вторых, чин цолина не являлся высоким, он относился к низшим разрядам 4-го класса маньчжурской военной чиновной иерархии [Маньчжурская хрестоматия, 1895. С. 240] и присваивался командирам небольших воинских подразделений маньчжурской армии – нюру (условно роты) численностью в 300 воинов. Этим же чином (равно как и другим низшим чином – сяоцисяо) цинские власти награждали лояльных им предводителей этнотерриториальных групп Приамурья, которые признавали свое подчинение маньчжурам. При этом им вручались специальные мандаты на управление подвластным населением [Мелихов, 1974. С. 61, 72, 82; 1982а. С. 45; 1982б. С. 83; Внешняя политика..., 1977. С. 55; История..., 1987. С. 120; Мазуров, Пастухов, 2009. С. 62]. Соответственно, если даже предположить (с крайне низкой степенью вероятности), что Гантимур был цолином, то он никак не мог принадлежать к маньчжурской элите.

О сознательном утаивании маньчжурами высокого статуса Гантимура не может быть и речи. Вышеупомянутыми «номинациями» («звероловец», «тунгус», «мужик» и т. п.) они обозначали его не только в разного рода обращениях к русской стороне, но и в документах внутреннего делопроизводства. Когда русский дипломат Н. Г. Спафарий пытался выяснить у маньчжурских представителей, почему цинское правительство так настойчиво добивается выдачи Гантимура, то те отвечали, что сам Гантимур как таковой их особо не интересует. В 1676 г. маньчжурский чиновник на переговорах в Букее (ныне – Цицикар) говорил Спафарию: «что про мужика Гайтимура что и вспоминать, *то дело небольшое*, лист (в Нерчинск в 1670 г. – А. 3.) послан был не только для Гайтимура, а наипаче которого государя люди» (здесь и далее курсив наш. – А. 3.) («Статейный список» посольства Н. Г. Спафария) [РКО, 1969. С. 381–382], «что бугдыхан просил казаков не для того мужика Гайтимура из Нерчинского острогу, потому что *про такого мужика только* таких великих государей *ссылатись непристойно*. А наипаче для того казаков призвали и лист к великому государю писали, чтоб проведали, какие люди живут в Олбазинском, в Нерчинском и в Селенгинском и во иных острогах – великого государя люди или нет?» (отписка Спафария в Посольский приказ) [РКО, 1969. С. 505–506]. В том же году, уже в Пекине, Спафарий доверительно беседовал с иезуитом Ф. Вербистом, участвовавшим в переговорах с маньчжурской стороны в качестве

¹⁹ См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 973. Л. 103. П. Т. Яковлева явно ошибалась, когда писала, что «цинские представители доказывали, что князь Гантимур... пользовался... доверием (китайского богдыхана. – А. 3.) и был в большой милости, занимая высокие посты» [Яковлева, 1958. С. 33]. Заметим, что первым, кто обратил специальное внимание на наименование Гантимура в маньчжурских документах, был П. А. Словцов [Словцов, 1995. С. 185].

²⁰ Три цолина – это, по сведениям Г. В. Мелихова, предводители дауров Туйдохунь, Баодай и Вэньду [Мелихов, 1982б. С. 83].

переводчика. «И езуит же говорил втайне посланнику под клятвою <...> и не так им (маньчжурам. – А. З.) нужно Гайтимура взять, как видеть намерение царского величества какое <...> и буде царское величество отдаст Гайтимура, которой начальник всех иноземцов, тогда и иноземцы или за ним пойдут, или порозну разбегутца <...> Посланник ж спрашивал у езуита: для чего так крепко спрашивают взяти от нас одного мужика Гайтимура, и какая им от него прибыль? И езуит говорил: для того они спрашивают Гайтимура, потому что они ведают, что вы не отдадите ево, и тогда они сыщут причину, бутто правдою воюют, и станут разорять ближние места Нерчинской и Албазинской, потому что они часто говорят, что они русских людей по Амуру трижды разорили до остатку, и так чают они, что и ныне могут их разорить» («Статейный список» посольства Н. Г. Спафария) [РКО, 1969. С. 433, 449]. Таким образом, Гантимур сам по себе никакой ценности для маньчжуров не представлял. И такое отношение к нему было бы весьма странным, если бы он занимал какой-то важный пост в маньчжурской властной иерархии. Единственный статус, который маньчжуры могли признавать за ним, – «начальник» иноземцев, конечно, не «всех», а лишь подвластных ему. Но это вполне соответствовало действительности: Гантимур возглавлял тунгусов-нелюдов. И именно в этом качестве он, по сути, стал для цинского правительства «разменной монетой» в решении вопроса о государственной принадлежности территорий и подданстве населения.

В русских документах внутреннего делопроизводства 1650-х – начала 1680-х гг. Гантимур титуловался изредка князем, но чаще – князцом. И это вполне соответствовало практике титульной номинации, применявшейся русской властью в то время в отношении глав разноформатных этно-территориальных объединений, существовавших у сибирских народов (см.: [Зуев, Игнаткин, Слугина, 2017. С. 353–374]). Сам Гантимур ни в своей (совместной с сыном Катанаем) челобитной, поданной в июне 1684 г., с просьбой о крещении и отправке в Москву²¹, ни в расспросных речах перед енисейским воеводой К. О. Щербатым осенью того же года²² ни единым словом и даже намеком не упомянул о наличии у него маньчжурского чина, да и вообще о службе богдыхану. А когда Щербатый задал Гантимуру вопрос: «преж ясачного <...> великим государем платежа где он жил и в чьем подданстве», тот ответил: «прежде ясачного <...> великим государем платежа в подданстве он <...> и в ясачном платежу ни под кем не бывал и ясаку он никому не плачивал»²³. Таким образом, Гантимур по сути полностью отрицал какие-либо свои отношения с маньчжурскими властями. Хотя, казалось бы, ему как раз было выгодно дать информацию о своем маньчжурском чине (тем более высоком), поскольку это резко повысило бы его престиж в глазах русских.

Наличие у Гантимура маньчжурского чина было бы выгодно и русской стороне: под власть «великого государя» переходил бы не очередной мелкий сибирский князец, а более-менее значимый подданный другого государства. На этом вполне можно было, выражаясь современным языком, попиариться. Однако ни нерчинские воеводы Д. Д. Аршинский и И. Е. Власов, ни енисейский воевода К. О. Щербатый, общавшиеся с Гантимуром, ни нерчинские служилые люди И. М. Милованов и С. Г. Молодой, сопровождавшие в Москву Гантимура, Катаная и Чекулая, ни дьяки Сибирского приказа, готовившие документы о пожаловании Катаная и Чекулая титулами князей, ничего не знали о каком-либо маньчжурском чине Гантимура [РКО, 1969. С. 275]²⁴. При этом особо заметим, что упомянутый выше И. М. Милованов был активным участником событий, разворачивавшихся в Забайкалье во второй половине 1650-х – 1680-х гг., и среди прочих ответственных служб выполнял поручения по контактам с маньчжурами:

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 66–66 об. (оригинал). См. также списки с оригинала: Там же. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 28 об. – 29; СПбФА РАН, Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 33 – 33 об.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 60–61.

²³ Там же. В. С. Мясников утверждал, что Гантимур после ухода на р. Нонни, «не желая ссориться с цинскими властями... некоторое время считал себя и их подданным» [Мясников, 1980. С. 114]. Но в источниках не содержится сведений, подтверждающих это утверждение.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 59–65, 67–93, 112–140; СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 33.

в 1670 и 1675 гг. он возглавлял русские дипломатические миссии в Пекин [Мясников, 2006. С. 282–294], и, соответственно, имел представление и о Гантимуре, и о его перемещениях из российских пределов в маньчжурские и обратно. Однако в Сибирском приказе Милованов вместе с Молодым «в роспросе сказали», что «Гантимур с родом своим и со всеми своими улусными людьми до сего времени служили и ясак платили им, великим государем, многие годы, а ни у кого в подданстве не бывали»²⁵.

Никакими сведениями о наличии у Гантимура маньчжурского чина не располагал и Н. Г. Спафарий, общавшийся с маньчжурскими чиновниками разного ранга, иезуитом Ф. Вербистом, а также с самим Гантимуром. Более того, после нескольких раундов переговоров в Пекине в 1676 г. с представителями Лифаньюаня (учреждения, управлявшего внешними провинциями Цинского Китая) он записал в своем «статейном списке»: «а Гантимур никогда у них в подданстве не был, кроме того, что приезжал к ним на время и опять возвратился в Нерчинской» [РКО, 1969. С. 416]. Заметим также, что в ходе дипломатических споров с маньчжурами по поводу Гантимура русская сторона называла его «иноземцем», «тунгусом», «мужиком», «князцом», «владельцем» или просто по имени, но никогда даже не намекала на наличия у него какого-либо чина [РКО, 1969. С. 271, 381, 382, 385, 416, 449, 454, 498, 505; 1972. С. 315, 404, 405, 432, 551; РМО, 2000. С. 104–105]. И вряд ли бы русская дипломатия упустила шанс использовать в свою пользу статусное положение Гантимура в маньчжурской иерархии, если бы такое было.

Наконец, пожалуй, самый главный аргумент: до 1710 г. потомки Гантимура, в том числе упомянутые выше Ларион и Лазарь, подавая на имя царя челобитные с просьбами о различных пожалованиях, ничего не сообщали об его маньчжурском чине, да и вообще о какой-либо его службе богдыхану²⁶. Нет об этом сведений даже в челобитных 1710 г., поданных внуками Гантимура – Бишенгой, Цоктой и Данжилом²⁷. Лишь после 1710 г., как говорилось выше, информация из челобитной Лариона и Лазаря о службе Гантимура богдыхану получила «путевку в жизнь».

В известных нам русских документах лишь два раза применительно к Гантимуру упоминаются «титутлы», которые, казалось бы, открывают возможность для рассуждений о наличии у него какого-то статуса в маньчжурской иерархии.

Первое упоминание относится к марту 1651 г., когда приведенные казаками с р. Шилки и допрошенные Е. П. Хабаровым «даурские языки», в том числе шурины Гантимура Тыгичей, назвали нелюдского князца «уланом»: «в верх де Шилки реки есть неясачной князь Гантимур улан»²⁸. Это «титутлование» Гантимура (в вариантах: «князь Гантимур улан», «Гантимур улан князь», «князь Тимур улан») повторили Е. П. Хабаров и якутский воевода Д. А. Францбеков в своих отписках 1651 г.²⁹ [Исторические акты..., 1840. С. 112, 117, 118; АИ, 1842. С. 75], казаки-хабаровцы Ф. Самсонов и С. Андреев в «распросных речах» в 1652 г. [Красноштанов,

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 139–140.

²⁶ См. челобитные Чекулая-Василия 1685 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 102), Павла Гантимурова и его детей конца 1690-х гг. (Там же. Стб. 1325. Л. 38–39), жены Катаная-Павла Марьи Ивановны, его детей Лариона, Лазаря и Авдотьи 1700 г. (Там же. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 29 об.; см. также: СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 36 – 36 об.), детей Катаная Бишенги и Андрея 1705 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 84; см. также: СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 43–44; ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 3. Д. 84. Л. 5 об. – 6 об.), Лариона 1705 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 28 об.; см. также: СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 36 об. – 37) и 1707 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 1214. Л. 5–6).

²⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 483. Д. 21. Л. 1–2; СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 44–45; ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 165. Л. 29 – 29 об., 41–42, 55–56.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 508. Л. 29, 30. Оpubл.: [Исторические акты..., 1840. С. 112, 114; Допросы..., 1840. С. 81, 84; Красноштанов, 2008. С. 270–272].

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 21, 27.

2008. С. 366], дяки Сибирского приказа в наказе 1655 г. А. Ф. Пашкову, отправленному на воеводство в Даурскую землю [Наказ..., 1894. С. 2]³⁰.

В. А. Туголуков высказал предположение, что приставка «улан» к имени Гантимура указывает на то, что еще до прихода русских в Забайкалье нелюдский князец имел связи с маньчжурами: «На монгольском языке это слово означает “красный”. Красный цвет, вероятно, символизировал временную принадлежность Гантимура к маньчжурской армии, степени различия в которой определялись цветом знамен... “Красным воеводой” Гантимур именуется в указе Петра I нерчинскому воеводе Федору Качанову (1710 г.)» [Туголуков, 1975. С. 100]³¹. С данным предположением, безусловно, нельзя согласиться.

Во-первых, дауры (обитатели верховьев Амура), которых в начале 1650-х гг. расспрашивали казаки-землепроходцы, совершенно ничего не говорили о каких-либо контактах Гантимура с богдойцами (маньчжурами). Хотя, когда в неоднократных переговорах с хабаровцами речь заходила о них самих, дауры постоянно твердили, что общаются с богдойцами и дают им дань (см., напр.: [Исторические акты..., 1840. С. 112–113; ДАИ, 1848. С. 347, 360; Наказ..., 1894. С. 5; РКО, 1969. С. 135]³²; см. также: [Мазуров, Пастухов, 2009. С. 60–63, 67–70, 89–93, 100–101, 182]).

Во-вторых, все редкие «тителования» Гантимура «уланом» восходят к одному источнику – упомянутому выше допросу дауров, причем в изложении Хабарова. Казаки же, участвовавшие в походе на р. Шилку и доставившие к Хабарову «языков», в своей челобитной 1653 г. сообщали, что когда они в декабре 1650 г. вели переговоры с «даурскими тунгусскими мужиками», в том числе с Тыгичеем, те рассказали о Гантимуре без всякого упоминания о его «уланстве»: «И сверх того де с верх Шилки Гантимур князь будет же де он давать ясак с нелюдов, своих родников. А он де нам, Гантимур, зять. Мы де его призовем, Гантимура» [Красноштанов, 2008. С. 263; Полевой, 1995. С. 34]. Таким образом, приставка «улан» к имени Гантимура, если и употреблялась, то не всегда, и, соответственно, имела значение скорее прозвища, а не стабильно утвердившегося титула или звания.

В-третьих, допрошенные Хабаровым «языки» были монголоязычными даурами. В связи с этим встает вопрос: не исказили ли дауры какое-либо тунгусо-маньчжурское слово, являвшееся прозвищем Гантимура, и не было ли оно вдобавок адаптировано казаками для своей артикуляции, в результате чего тунгусское прозвище превратилось в уже известное русским землепроходцам тюрко-монгольское слово «улан»? Таким прозвищем вполне могло быть тунгусо-маньчжурское слово, созвучное для русских слову «улан», например, ‘олан’ – способный, талантливый человек, мастер своего дела, или ‘блāни’, ‘алаңа’ – лук-самострел (см. подробнее: [Зуев, 2013б. С. 245–246]).

В-четвертых, даже если признать, что Гантимур имел в начале 1650-х гг. монгольское прозвище / титул «улан» (улаган, улаан, монг. ‘красный, алый, румяный’), то это может свидетельствовать лишь о высокой степени монголизации забайкальских конных тунгусов и соответственно их предводителей (см. об этом: [Туголуков, 1975. С. 87–88, 100–110]). Какое конкретно значение монгольская приставка «улан» могла иметь применительно к имени Гантимура, мы не знаем. Но укажем на то, что Гантимур не был единственным «уланом» среди тунгусов. Упомянутый выше воевода А. Ф. Пашков в одной из своих отписок в Сибирский приказ сообщил о столкновении летом 1657 г. его отряда с «мунгальскими тунгусами» на р. Хилок. В ходе боя казаки взяли в плен «лутчево начальново человека улана красново шуленгу»³³. Упоминание «улана красново» свидетельствует о том, что это «звание» встреча-

³⁰ Издатели наказа до неизвестности исказили «титул» Гантимура: «писали де к ним из Даурской земли Ярко Хабаров с товарищи: взяли де они на боях даурских языков <...> да Гай-Тимура, у Лака князя шурина Тыгичея». Должно быть: «Гантимура улана князя шурина Тыгичея».

³¹ Эту интерпретацию позже повторил А. Х. Элерт [Элерт, 2000. С. 419]. В маньчжурской армии, как известно, были краснознаменные корпуса. По-монгольски они назывались «шүлүүн улаан хошуу» («простое (истинно) красное») и «хөвөөт улаан хошуу» («красное с каймой») [История..., 1987. С. 49].

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 3, 23, 27.

³³ Там же. Л. 317.

лось у конных тунгусов, которые по своему образу жизни и хозяйственным занятиям сильно напоминали монголов-кочевников. Поэтому Пашков и назвал их «мунгальские тунгусы».

Наконец, в-пятых, в документах, исходящих от землепроходцев после 1651 г. и русской администрации после 1655 г. приставка «улан» к имени Гантимура уже не встречается. Не употребляли ее и сам Гантимур и его дети и внуки в своих челобитных.

Второе упоминание «титула» Гантимура в русских документах встречается в показаниях казаков Ф. Усольца и И. Коркина, прибывших в Москву из Забайкалья и допрошенных в январе 1681 г. в Сибирском приказе. Рассказывая о тунгусах, подведомственных Нерчинскому острогу, и о Гантимуре, они поведали следующее: «А китайского де богдыхана лутчей человек, *по руски боярин*, Гайтимур живет от Нерчинского острогу в ближних местех»³⁴. Но наименование Гантимура «боярином» не должно вводить в заблуждение. Русские люди того времени, в большей или меньшей степени общавшиеся с маньчжурами, нередко номинировали представителей цинских властей, а также вождей местных народов, подвластных маньчжурам, понятными себе самим чинами и званиями: бояре, воеводы, дьяки, сотники, пятидесятники, служилые люди. Боярами называли тех, кто, по представлению русской стороны, пользовался в каждый конкретный момент наибольшим почетом и уважением у самих маньчжуров. Но такой «боярин» мог и не принадлежать к политической элите Цинской империи (см., например: [ДАИ. 1859. С. 325; 1867. С. 227, 228, 280, 283; РКО, 1969. С. 283–287, 290, 475, 500]). Так, в «Книге записной» (самой ранней редакции Сибирского летописного свода), составленной в 1687 г. в Тобольске, по поводу прибытия в 1670 г. в Нерчинск маньчжурских переговорщиков записано: «присылал из Китайского царства китайский царь в Дауры, в Нерчинские остроги <...> послов своих, зайсана именем Мунгунчей, а *по нашему зайсан рекше боярин*» [ПСРЛ, 1987. С. 167]. Эта запись явно сделана на основе информации, поступившей в Тобольск от нерчинского воеводы. И в ней примечательно то, что монгольское (не маньчжурское!) звание «зайсан» было растолковано как соответствовавшее русскому чину «боярин»³⁵.

Все наши замечания по поводу русских наименований маньчжурских чинов и званий позволяют заключить, что Ф. Усолец и И. Коркин, несомненно зная о повышенном интересе цинских властей к Гантимуру, посчитали его значимым («лутчим») человеком для богдыхана, поэтому и назвали его боярином, не имея, однако, при этом никакого реального представления о маньчжурской властной иерархии. В связи с этим обратим внимание на то, что служащие Сибирского приказа, весьма обстоятельно расспрашивавшие Усольца и Коркина о положении дел в Забайкалье и на Амуре, в том числе о Гантимуре, численности подвластных ему тунгусов и размере взимаемого с них ясака, не проявили абсолютно никакого интереса к его «боярству» у богдыхана³⁶. Можно уверенно полагать, что они прекрасно понимали, что чин боярина, употребленный казаками по отношению к тунгусскому предводителю, является явным преувеличением, обозначением какого-то незначительного звания.

Что касается сведений Лариона и Лазаря об участии Гантимура в походе на Комарский острог, то исследователи в отношении их были, как правило, избирательны. Одни из них считали, что Гантимур ушел от маньчжуров сразу же, как только получил от них приказ воевать против русских, относя это событие к 1667 г., и, соответственно, участия в осаде Комарского острога не принимал [Спасский, 1822. С. 343; Шумахер, 1879. С. 173–174; Артемьев, 1992. С. 8–9; 1995. С. 48; Artemyev, 1992. P. 8; РМО, 2000. С. 407; Константинов, Константинова, 2002. С. 65; Константинова, 2003. С. 224; Самбуева, 2003. С. 28; Мазуров, Пастухов, 2009. С. 195; Хартанович, Хартанович, 2011. С. 74]. Другие, придерживаясь в целом этой же версии, полагали, что Гантимур ушел не сразу после получения приказа, а какое-то время спустя [Яковлева, 1958. С. 35; Александров, 1984. С. 87; Беспрозванных, 1986. С. 51; Уваро-

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 720. Л. 22.

³⁵ Заметим, что упомянутый в «Книге записной» Мунгунчей был маньчжуром Монготу. Он не был зайсаном, а имел маньчжурский чин фудутуна [РКО, 1969. С. 558].

³⁶ Полную запись распроса Ф. Усольца и И. Коркина см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 720. Л. 15–43.

ва, 2004. С. 48]. А. Х. Элерт, опираясь на информацию, собранную Г. Ф. Миллером, предположил, что Гантимур принял участие в маньчжурском походе на Комарский острог, но не в 1660-х гг., а в 1655 г. По его мнению, ответственность за провал этого похода маньчжурское правительство возложило на Гантимура, «и он имел все основания опасаться за свою судьбу», поэтому, когда его в 1667 г. вызвали к цинскому двору, он «решился бежать к русским» [Элерт, 2000. С. 419–420] (см. также: [Серебренников, [б. г.]. С. 3; Хазанкович, 2008. С. 172]. Наконец, Х. И. Трусевич утверждал, что Гантимур «был полководцем китайских войск перед Камарским острогом в 1655 г.» [Трусевич, 1882. С. 21].

Факт полного игнорирования большинством исследователей сведений Лариона и Лазаря об участии Гантимура в осаде Комарского острога вызывает недоумение. Во-первых, оно не подкреплено критическим анализом источника (челобитной Лариона и Лазаря) в сопоставлении с другими известными документами. Во-вторых, это игнорирование выглядит явно странно на фоне безоговорочного признания теми же исследователями сведений Лариона и Лазаря о службе Гантимура маньчжурам и о наличии у него маньчжурского чина / звания. Получается, что из одного и того же документа исследователи доверяют одним сведениям и игнорируют другие, причем в обоих случаях не пытаются даже проверить их правдивость.

Приведенный выше текст челобитной Лариона и Лазаря дает совершенно однозначный вариант его трактовки: Гантимур был под Комарским острогом, но его люди в бой с русскими не вступали, а ушел он после того, как маньчжуры сняли осаду. Насколько это описание соотносится с известными фактами из биографии Гантимура и с известными событиями, происходившими в Приамурье в 1650–1660-х гг.?

Осада маньчжурами Комарского (Кумарского, Усть-Кумарского) острога, располагавшегося на правом берегу Амура при впадении в него р. Хумаэрхэ, шла с 13 марта по 4 апреля 1655 г. [Артемьев, 1999. С. 97]. Руководитель обороны О. Степанов в своих отписках в Сибирский приказ и якутскому воеводе М. С. Ладыженскому, отправленных не ранее 4 апреля 1655 г., со слов пленных, сообщил, что в богдойском войске были «люди розных земель: богдойи, мунгуты, никаны, жучеры, дауры и иных многих розных земель, которые иноземцы под ево богдойскую областью»³⁷ [РКО, 1969. С. 207]. Тунгусов он не назвал. Но, может быть, они были среди «иноземцев» «многих розных земель»? Возможно. Но были ли под Комарским острогом Гантимур и его нелюды?

По сведениям И. Э. Фишера (который опирался на отписки землепроходцев), Гантимур со своим родом после строительства М. Уразовым Шилкского острожка ушел из русских пределов за р. Аргунь и обосновался в районе между реками Гана (совр. Гэньхэ) и Хайлар (верхнее речное р. Аргунь). М. Уразов послал к нему казаков, которые «принесли оттуда с собою несколько маловажных подарков, кои ясаком называли» [Фишер, 1774. С. 567–568]. Согласно ясачным книгам П. Бекетова, этот «ясак» («четыре соболя с пупки и с хвосты») был взят с Гантимура и его сына Катаная в январе 1654 г.³⁸ В марте того же года Бекетов, прибыв к устью р. Нерчи, пообщался там с шурином Гантимура тунгусом Болдоном, который сообщил, что его зять хочет встретиться с Бекетовым. Бекетов послал к Гантимуру и «к иным многим князям и к улусным их людям» двух казаков с приглашением «быть к нему, Петру, на усть Нерчи реки»³⁹. До стойбища Гантимура и других князцов казаки должны были добираться за пять дней, а значит, они располагались в относительной близости от Шилкского острожка. Посланцы, однако, по сведениям Бекетова, были убиты. А в июне на отряд Бекетова напали тунгусы. Кто они были, точно не известно. В июньских и августовских 1654 г. отписках Бекетова енисейскому воеводе А. Ф. Пашкову они идентифицированы как «воровские неясачные тунгусы»⁴⁰, а в коллективной челобитной того же Бекетова и его казаков, составленной в апреле 1655 г., по их поводу сообщалось (надо полагать, на основе какой-то допол-

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 556. Л. 39.

³⁸ СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 326. См. также: Там же. Д. 22. Л. 286.

³⁹ Там же. Д. 22. Л. 300.

⁴⁰ Там же. Л. 300 об.

нительной информации, полученной казаками): «преже тово те изменники тебе, великому государю, с себя и с своих улусных людей твой государев ясак платили»⁴¹. В обоих документах родовая принадлежность тунгусов не уточнялась, не назывались и их предводители. По мнению В. Г. Изгачева, на отряд Бекетова напал Гантимур [Изгачев, 1959. С. 94, 98]. Это представляется вполне вероятным. Шилкский острожек был поставлен на территории нелюдов, и именно они во главе со своим вождем Гантимуром могли быть наиболее заинтересованы в его ликвидации и изгнании казаков. Но последним удалось отбиться.

Какие действия после неудачной осады Шилкского острожка предпринял Гантимур (независимо от того, принимал он участие в нападении или нет), не известно. В отписке от 18 декабря 1656 г. начальник человек Шилкского острожка казачий десятник К. И. Полтинин поведал следующее: «и баргуцкие, государь, люди и тунгусы к нам в острог не ездят и служилым людям к себе в улусы ездить не велят, а нелюцкой, государь, князец Гантимур <...> на прошлой 164-й год (т. е. с сентября 1655 г. по август 1656 г. – А. З.) государева ясаку с себя и с своих улусных людей не дал»⁴². Тринадцатого июня 1656 г. К. И. Полтинин отправил к Гантимуру «служилых людей десятника казачья Ивана Болотова с товарищи <...> для государева ясачново соболиново збору». «И он, Гантимур, – писал Полтинин, – дал с себя и с своих улусных людей государева ясаку дватцать три соболя, а з достальных людей нелюцких он, Гантимур, сулил государев ясак, хотел дать в нынешнем во 165-м (1656/57) году <...> А Гантимур князец с своими улусными людьми прикочевал к острогу ближе на Нерчу реку». Случилось это во временной промежуток между июнем и сентябрем 1656 г.⁴³

Приведенные сведения из отписки Полтинина позволяют заключить, что по крайней мере со второй половины 1655 г. казаки из Шилкского острожка пытались восстановить мирные контакты с Гантимуром, и эти усилия закончились успехом. Разумеется, можно предположить, что до этого Гантимур и его нелюды в составе богдойского войска приняли участие в осаде Комарского острога. Но это предположение весьма сомнительно. Оно потребует признать, что Гантимур на какой-то срок (во второй половине 1654 – первой половине 1655 гг.?) оказался под контролем маньчжуров и вынужден был исполнять их приказы. Но такого не могло быть. Известные нам источники в своей совокупности позволяют уверенно полагать, что в 1654–1655 гг. Гантимур со своими людьми, отказываясь платить ясак, кочевал где-то относительно недалеко от «родовых» владений, располагавшихся в районе между устьями рек Онона и Нерчи. Стремясь избежать уплаты ясака и подчинения русским, он уходил туда, где еще не появлялись казачьи отряды, а именно к югу за р. Аргунь, в междуречье Гана и Хайлара. С этой территории он мог оперативно следить за развитием ситуации на своей «породной» земле и при необходимости быстро туда вернуться. Но эта территория в 1650-х гг. была неподконтрольна маньчжурам [Мелихов, 1982а. С. 20–47], соответственно, они не могли отдавать распоряжение вождям обитавших здесь этно-территориальных групп. Принять же по собственной инициативе (или по уговору маньчжуров) участие в осаде Комарского острога Гантимур также не мог, так как никаких интересов на Амуре у него не было, и его ничто не связывало с местным населением (см.: [Зуев, 2012. С. 346–349]).

Что же касается версии о возможном участии Гантимура в нападении на Комарский острог в 1660-х гг., то она вообще лишена оснований. После разгрома маньчжурами в 1657 г. на Амуре отряда О. Степанова данный острог был заброшен и не восстанавливался [Артемьев, 1999. С. 98]. В 1658–1667 гг. в Приамурье случались вооруженные столкновения между маньчжурами и русскими, однако об осаде какого-либо русского острога ничего не известно [Внешняя политика..., 1977. С. 271; Мясников, 1980. С. 107, 109, 114; Мазуров, Пастухов, 2009. С. 180–181]. Аргунский же острог (в искаженном варианте – Аргутинский острог / острог), указываемый в некоторых энциклопедических справках о Гантимуре в качестве объекта

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 556. Л. 44.

⁴² Там же. Стб. 508. Л. 341.

⁴³ Там же. Л. 342.

нападения маньчжуров, был поставлен только в 1681 г. [Артемьев, 1999. С. 78], т. е. много позже окончательного принятия Гантимуром российского подданства.

Таким образом, информация о службах Гантимура богдыхану, изложенная в челобитной Лариона и Лазаря, представляется в значительной степени плодом их творческого подхода к биографии деда. Они, конечно, знали о выходе их предка из маньчжурских владений и о настойчивых требованиях богдыхана о его выдаче. Наверняка они слышали о героической обороне казаками Комарского острога, поскольку память об этом была жива среди русского населения Забайкалья⁴⁴. Эти известные им события они дополнили теми фактами, которые должны были усилить статус их деда, а соответственно, повысить и их собственную значимость в глазах русской власти.

Имеющиеся в нашем распоряжении челобитные внуков Гантимура позволяют выявить, правда, в самых общих чертах, процесс рождения версии о службах их деда маньчжурскому богдыхану. Ее появление на свет напрямую было связано с материальными и статусными интересами детей Павла (Катаная), прежде всего Лариона и Лазаря.

Павел, как говорилось выше, был пожалован в князья и дворяне по московскому списку. Но это пожалование имело индивидуальный характер и не распространялось автоматически на потомков. В феврале 1700 г. Павел умер. В том же году (вероятно, весной) его вдова Мария, дети Ларион, Лазарь и Авдотья подали челобитную с просьбой поверстать Лариона в «отцово место» и «оклад», чтоб им «в дальней даурской стороне голодную смертью не помереть». При этом в челобитной совершенно не упоминался Гантимур, а акцент делался на Павла: «а муж де ее, а их отец в прошлых годах вышел с Науну на ево великого государя имя с родом своим и со многими своими людьми»⁴⁵. В связи с этим обратим внимание на то, что И. Идес, бывший в 1693 г. проездом в Нерчинском уезде и общавшийся там с конными тунгусами (надо полагать, с их предводителями – Гантимуровыми), зафиксировал в своем дневнике следующие сведения: «Главой конных тунгусов является князь Павел Петрович Гантимур, или по-тунгусски Катана Гантимур; он родом из округа Нючжу, теперь стар, а когда-то был тайшой и подданным китайского богдыхана. Когда же он попал к нему в немилость и был смещен, то подался с подчиненной ему ордой в Даурию, стал под покровительство их царских величеств и перешел в православие» [Избрант Идес, Адам Бранд, 1967. С. 150]⁴⁶.

Эта информация вкупе с упомянутой челобитной 1700 г. однозначно свидетельствует о том, что среди потомков Гантимура к концу XVII в. уже вполне оформилось представление о службе их предка маньчжурам. Но таковым предком они считали Катаная, а не Гантимура! Последний вообще не удостоивался их внимание в качестве сколько-нибудь значимого лица.

⁴⁴ Оставшимися в живых участниками обороны была сочинена песня «Во сибирской украине, во Даурской стороне». Она стала популярной по всей Сибири и в середине XVIII в. была включена Киришей Даниловым в свой известный сборник «Древние российские стихотворения». См.: [Элиасов, 1973. С. 109–115].

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1388. Л. 29 об.; СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 36. Заметим, что несколькими годами ранее (между 1696 и 1700 гг.) Гантимуровы в своей челобитной упомянули Гантимура, поставив его, однако, на второе место после сына Павла (Катаная): «в прошлых давних годах вышли они под ево великого государя самодержавную высокую руку ис под Китайского государства с Науна реки с отцом своим и з дедом Гайтимуром своею волею» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1325. Л. 39).

⁴⁶ В своем письме, поданном в 1695 г. царям Ивану и Петру Алексеевичам, И. Идес несколько иначе изложил сведения о П. Гантимуре: «Князь Павел Гантимуров есть человек родом от княжеского поколенья, по татарскому их обыкновению был поддан хану китайскому, от него своею ордою к их царскому величеству перешел и поддался и живет в Нерчинску с ордою своею» [Зольникова, 1989. С. 216]. Сведения о Павле Гантимурове почти дословно повторил Н. Витсен во втором издании своего сочинения «Северная и Восточная Татария» (1705 г.): «Настоящим главой здешних конных тунгусов был еще недавно Каттана Гантимур, но христиане звали его “князь Павел Гантимур”. Он родом из страны Ниухе, довольно старый человек. Он был тайшой, или князем, при синцах, но впал в немилость и со всей своей ордою перешел под власть и покровительство Их Царских Величеств. Он принял христианскую веру» (Витсен, 2010. С. 99–100).

В марте 1701 г. Сибирский приказ распорядился одного из сыновей Павла, «которой приличнее» «написать княжим именем» с отцовским окладом, но без поверстания в дворяне по московскому списку⁴⁷. Нерчинский воевода посчитал таким «приличным» сыном Лариона⁴⁸. В январе 1705 г. Ларион лично подал челобитную в Сибирский приказ с просьбой пожаловать его в московские дворяне. Свою просьбу он аргументировал ссылкой на заслуги отца: «за выезд под твою государеву самодержавную высокую руку в вечное холопство отца моего княз Павла Гантимурова»⁴⁹. Царской грамотой от 15 января 1705 г. просьба Лариона была удовлетворена⁵⁰.

О Гантимуре (и то безлично) упомянули в своей челобитной от 22 января 1705 г. другие сыновья Павла – Бишенга и Андрей: «в прошлых, государь, годах вышли ис Китайского государства под твою государскую самодержавную высокую руку дед и отец наш князь Павел Гантимуров со всем своим родом и улусными своими людьми»⁵¹. Один из челобитчиков, Бишенга, в феврале того же года был пожалован в князья и назначен «начальным человеком» над гантимуровыми «родственниками и улусными людьми» из трех тунгусских родов (Дулигагирского, Улятского и Калтагирского)⁵².

Неизменное удовлетворение русской властью желаний детей Павла Гантимурова повышало их материальный и статусный «аппетит». В 1710 г. Ларион и Лазарь подали очередную, неоднократно упоминавшуюся челобитную, в которой жаловались на свою чрезмерную скудость и просили повысить оклад Лариону, наделить его землей, а Лазаря поверстать в службу с выдачей ежегодного жалованья и их обоих «писать стольниками», т. е. пожаловать каждого одним из высших служилых чинов Московского государства⁵³. В этот раз свою просьбу они аргументировали «службами и радениями деда, и отца, и дядей, и братьей», а из них все внимание сосредоточили на деде – Гантимуре, сообщив о якобы имевшемся у него маньчжурском чине «четвертного боярина» и о большом жаловании, якобы получаемом им от богдыхана. Можно полагать, что появившаяся в челобитной версия, излагавшая обстоятельства перехода Гантимура от маньчжуров к русским, должна была существенно повысить в глазах русской власти значимость как самого Гантимура, так и его потомков. Кроме того, эта версия намекала на то, что Гантимуровы, помня о «высоком статусе» их деда у маньчжуров, могут вернуться назад к маньчжурам.

Почему Ларион и Лазарь переключили свое внимание с отца на деда, можно только догадываться. Скорее всего, это было вызвано тем, что Павел (Катанай) значительную часть своей жизни (33 года) провел в российских пределах и, соответственно, о нем у русских властей (по крайней мере местных – нерчинских) должно было быть достаточно информации, в том числе о том, что он ушел от маньчжуров относительно молодым человеком и в силу этого вряд ли, тем более при живом отце, мог выслужить какой-либо маньчжурский чин. Гантимур же, будучи главой того семейного клана нелюдов, который перешел к русским, и общим предком, от имени которого пошла фамилия Гантимуровых, в значительно большей степени, чем Катанай, подходил на роль легендарного героя.

Нам не известно, пытался ли Сибирский приказ навести справки по поводу челобитной Лариона и Лазаря. Но все их просьбы он полностью удовлетворил⁵⁴ [Высочайше учрежден-

⁴⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1388. Л. 29 об.; СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 36 об.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1388. Л. 30.

⁴⁹ Там же. Л. 28, 30 об.

⁵⁰ Там же. Л. 30 об.

⁵¹ Там же. Л. 84.

⁵² Там же. Л. 85 – 85 об., 87 об., 110.

⁵³ Желание Лариона и Лазаря стать стольниками, возможно, объясняет появление в их челобитной странного маньчжурского чина «четвертной (четвертый) боярин». Дело в том, что чин стольника в начале XVIII в. в иерархии служилых чинов элитного «московского списка» являлся четвертым по старшинству: он стоял выше чинов жильца, московского дворянина и стряпчего. Выше по значимости чина стольника были уже думные чины [Захаров, 2012. С. 45]. Ларион в 1705 г. побывал в Москве и, надо полагать, хотя бы поверхностно, ознакомился с московской служилой чиновной иерархией.

⁵⁴ СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 39 – 39 об.

ная..., 1898. Приложения. С. 21]. Такое благожелательное отношение к Гантимуровым вызвано было, конечно, не только службами их предков, но и стремлением сохранить их лояльность и не допустить их измены. Об этом откровенно говорилось в одном из документов Сибирского приказа 1705 г.: «московского дворянина новокрещена князь Павла Гантимурова родственников ево беречь, и всякой призор и ласку и добро детям их чинить <...> а смотреть за ними накрепко тайно, чтоб они худа какова не думали и зла какова не учинили и в сторону Китайского государства не ушли и Даурской земле споны какой не учинили»⁵⁵.

В последующие годы уже правнуки Гантимура, сыновья Лариона – Андрей и Алексей творчески дополнили обстоятельства перехода их прадеда в российское подданство новыми подробностями. В 1735 г. Г. Ф. Миллер с их слов записал в своем полевом дневнике, что Гантимур не допустил взятие маньчжурами Комарского острога, по причине чего был вызван ко двору богдыхана, но, «недовольный» этим вызовом, бежал к русским, во время бегства половина его людей была «порублена» маньчжурами, а сам он получил 9 ран [Элерт, 2000. С. 419].

В целом вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что информация челобитной Лариона и Лазаря о маньчжурском «боярстве» Гантимура и его участия в осаде Комарского острога не заслуживает никакого доверия.

Все прочие известные на данный момент источники, содержащие сведения о Гантимуре, дают основания утверждать лишь то, что он со своим родом после ухода в конце 1650-х гг. из Забайкалья обитал до 1666/67 г. на территории, подконтрольной маньчжурам, по выражению русских документов последней трети XVII в. – в «Богдойской земле» [РКО, 1969. С. 275], «под китайским государством»⁵⁶, «под китайским владением» [РМО, 2000. С. 313], но при этом не находился у них в прямом подданстве, т. е. не платил им дань (выражаясь русским делопроизводственным языком того времени, не являлся ясачноплательщиком). Никаким высоким маньчжурским чином он не обладал и участия в осаде Комарского острога не принимал. С крайне низкой степенью вероятности можно предположить, что маньчжуры пожаловали его одним из низших своих чинов – цзолинем. Но это предположение опирается лишь на не вполне внятную информацию из доклада Сонготу.

В заключение заметим, что хотя местная русская администрация исправно копировала на протяжении XVIII в. грамоту Сибирского приказа с изложением челобитной Лариона и Лазаря, но никогда ни она, ни вышестоящие власти не придавали какого-либо значения «четвертному боярству» Гантимура, этот факт ими просто игнорировался, поскольку не вызывал доверия. Так, российский посол на переговорах с маньчжурами в 1725–1728 гг. С. Л. Владиславич-Рагузинский, собравший обширную информацию о русско-маньчжурских отношениях во второй половине XVII – начале XVIII в., по поводу Гантимура отметил только, что он был «тунгусских татар начальник», который, «освободясь от ига китайских маньчжуров, с ордою своею перешел в Российскую сторону» [Владиславич-Рагузинский, 1842. С. 198]. В составленной в 1735 г. в Нерчинской воеводской канцелярии по запросу Г. Ф. Миллера ведомости о ясачных иноземцах Нерчинского уезда был отмечен лишь факт выхода Гантимура «с родом своим» «из Богдойской земли» [Элерт, 2018. С. 280–281]. В «Справке о дворянах Гантимуровых», сочиненной в самом конце XIX в. для «Совещания по земельному устройству населения Забайкальской области», Гантимур назван просто «китайским выходцом»⁵⁷.

Список литературы

Аинчина Т. М. Древний эвенкийский род Гантимуровых // Забайкальское казачество на службе Отечеству: история и современность. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. С. 92–96.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1388. Л. 85 – 85 об.

⁵⁶ Там же. Стб. 1355. Л. 66.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–10 (опубл.: URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/Burjatia/XX/1900-1920/Gantimurov/text.htm> (дата обращения 06.06.2014)).

- Александров В. А.** Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Арсеньев Ю.** Род князей Гантимуровых. Генеалогическая справка. М.: Унив. тип., 1904. 10 с.
- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. Владивосток, 1999. 335 с.
- Артемьев А. Р.** России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. Владивосток, 1995. Вып. 1. С. 47–59.
- Артемьев А. Р.** Эвенкийские князья Гантимуровы на службе России // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии). Омск, 1992. С. 8–12.
- Беспрозванных Е. Л.** Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1986. 336 с.
- Богуславский В. В.** Гантимур // Славянская энциклопедия. XVII век. М., 2004. Т. 1. С. 305.
- Болонев Ф. Ф.** «Не жесточью, а ласкою»: отношение русских властей к эвенкийскому роду Гантимурова в XVII–XIX вв. // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002. С. 28–31.
- Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М.: Наука, 1977. 385 с.
- Гантимуровы // Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 8. С. 96–97.
- Григорьева Е. А.** Проблема Гантимура в русско-китайском споре XVII в. о границах // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. М., 2011. С. 219–222.
- Дамдинов Д. Г.** О предках Гантимуровых (титулованных князей и дворян по московскому списку). Улан-Удэ, 1996. 94 с.
- Думин С. В.** Князья Гантимуровы // Дворянские роды Российской империи. М., 1996. Т. 3. С. 215–217.
- Захаров А. В.** Московская служилая элита и последние пожалования в думные чины при Петре I // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2012. № 34. С. 45–55.
- Зольникова Н. Д.** Сыск Д. Л. Полянского и «письма» Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 180–220.
- Зуев А. С.** Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVIII – начале XX вв. Иркутск, 2013а. С. 134–152.
- Зуев А. С.** Гантимуровы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. С. 368–369.
- Зуев А. С.** О властном статусе тунгусского князя Гантимура // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. 18. С. 346–349.
- Зуев А. С.** Хан Тимур, булат или стрелок из лука: к этимологии имени тунгусского князя Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013б. Т. 12, вып. 5. С. 242–248.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.** Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: НГУ, 2017. 444 с.
- Иванчик С. Н., Кононенко Н. И.** Князь Е. И. Гантимуров (тайны происхождения рода). Новосибирск: Изд-во Сиб. гос. ун-та вод. трансп., 2016. 99 с.
- Изгачев В. Г.** Русский землепроходец Петр Иванович Бекетов // Учен. зап. Чит. гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 4. С. 79–100.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. Кн. 1. 424 с.
- Карнович Е. П.** Замечательные богатства частных лиц в России. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1885. 330 с.
- Князь Гантимур // Московские церковные ведомости. 1885. № 38. С. 3.

- Константинов А. В., Константинова Н. Н.** История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. 248 с.
- Константинова Н. Н.** Гантимур // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск, 2003. Т. 2. С. 224.
- Красноштанов Г. Б.** Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 752 с.
- Лобанов-Ростовский А. Б.** Русская родословная книга. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1895. Т. 1. 476 с.
- Любимов С. В.** Титулованные роды Российской империи. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. Т. 2. 88 с.
- Мазуров И. В., Пастухов А. М.** Очерки истории Российского Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2009. Кн. 1. 383 с.
- Максимов С. В.** Сибирь и каторга. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. Ч. 3. 388 с.
- Мелихов Г. В.** Как готовилась агрессия феодальных правителей Цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х годах XVII в. // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982б. С. 71–98.
- Мелихов Г. В.** Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.
- Мелихов Г. В.** О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40–80-е годы XVII в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982а. С. 18–70.
- Мясников В. С.** Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 311 с.
- Мясников В. С.** Квадратура китайского круга: избранные статьи. М.: Вост. лит., 2006. Кн. 1. 550 с.
- Паршин В. П.** Нерчинские тунгусы // Журнал министерства внутренних дел. 1844а. Ч. 5. С. 129–140.
- Паршин В. П.** Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844б. Ч. 2. 208 с.
- Полевой Б. П.** Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке (ист.-археол. исслед.). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 7–54.
- Попов И. М.** Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 510 с.
- Русская родословная книга. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1873. 435 с.
- Самбуева Л. В.** Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества (вторая четверть XVIII – первая пол. XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2003. 208 с.
- Серебренников И. И.** Князь Гантимур. Исторический очерк. Shanghai: Far Eastern Times, [б. г.]. 20 с.
- Сладковский М. И.** Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957. 454 с.
- Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Вен-Мер, 1995. 676 с.
- Соломин А. В.** Князя Гантимуровы. М.: Старая Басманная, 2016. 276 с.
- Спасский Г. С.** Исторические сведения о сибирских тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сиб. вестник. 1822. Ч. 18. С. 339–348.
- Тихвинский С. Л.** Некоторые вопросы формирования северо-восточной границы Цинской империи // Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. М., 1977. С. 315–323.
- Трусевич Х. И.** Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М.: Тип. Т. Малинского, 1882. 304 с.
- Туголуков В. А.** Конные тунгусы (Этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
- Уварова Т. Б.** Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М.: ИНИОН РАН, 2004. 164 с.
- Успенский В. Л.** Из истории русско-китайских отношений в XVII в.: (по новым документам на монгольском языке) // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 10–17.

- Ухтомский Э. Э.** Путешествие по Забайкалью. Из книги «Путешествие на Восток» (государя императора Николая II (1890–1891 гг.)). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 39 с.
- Фишер Э.** Сибирская история. СПб.: Имп. Академия наук, 1774. 631 с.
- Хазанкович Ю. Г.** Эвенки, Китай и Россия (исторические метаморфозы и литературные парадоксы) // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 171–178.
- Хартанович М. Ф., Хартанович М. В.** Тунгусские князья Гантимуровы // Наука из первых рук. 2011. № 3. С. 70–83.
- Цыбенков Б. Д.** Даурские роды в XVII в. // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2011. № 8. С. 238–246.
- Шумахер П. В.** Наши сношения с Китаем (с 1567 по 1805) // Русский архив. 1879. № 6. С. 145–183.
- Щеглов И. В.** Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.
- Элерт А. Х.** Ведомости Нерчинской воеводской канцелярии о родовом составе, численности, расселении и ясачных платежах коренного населения уезда (1735 г.) // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 271–289.
- Элерт А. Х.** Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 416–421.
- Элиасов Л. Е.** Фольклор Восточной Сибири. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. Ч. 3. 496 с.
- Яковлева П. Т.** Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.
- Artemyev A. R.** The Gantimurov Princes in Russian Service. *Journal de la Societe Finn-Ougrienne*, 1992, vol. 84, p. 7–20.
- Baddeley J. F.** Russia, Mongolia, China: Being Some Record of the Relations between them from the Beginning of the 17th Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. London, Macmillan and Company, 1919, vol. 2, 445 p.
- Bergholz F. W.** The Partition of the Steppe: the Struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for Empire in Central Asia, 1619–1758: A Study in Power Politics. New York, Peter Lang Inc.; International Academic Publishers, 1993, 522 p.
- Gelber H. G.** The Dragon and the Foreign Devils: China and the World, 1100 B. C. to the Present. London, New York, Berlin, Bloomsbury Publishing, 2008, 492 p.
- Mancall M.** Russia and China: their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1971, 396 p.
- Perdue P. C.** China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, London, Belknap Press of Harvard Uni. Press, 2005, 725 p.
- Some Account of the Tungousians in General, and the Transbaikal Tungousians in Particular. *The Asiatic Journal and Monthly Register for British India and its Dependencies*, 1824, vol. 17, no. 102, p. 593–602.

Список источников

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т 4. 592 с.
- Витсен Н.** Северная и Восточная Тартария. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 1. 624 с.
- Владиславич-Рагузинский С. Л.** Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства // Русский вестник. 1842. № 2. С. 180–243.
- Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 5. 472 с.

- ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. Т. 3. 539 с.; 1857. Т. 6. 477 с.; 1859. Т. 7. 374 с.; 1867. Т. 10. 504 с.
- Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной коллегии Иностранных дел, в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1882. 565 с.
- Допросы, сделанные Хабаровым даурцам, взятым в плен в 1651 году // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1840. Т. 27, № 105. С. 81–84.
- Журнал веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему Его Царского Величества указу в 1676 году, царствования китайского Хуандия Канся в 15 лето / Пер. с маньчж. // Сиб. вестник. 1823. Ч. 3. С. 29–100.
- Ивановский А.** Посольство Спафария // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. СПб., 1888. Т. 2. С. 81–124, 195–220.
- Избрант Идес, Адам Бранд.** Записки о посольстве в Китай (1692–1695). М.: Наука, 1967. 403 с.
- Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 85–126.
- Маньчжурская хрестоматия. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1895. Вып. 2. 255 с.
- Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1894. Т. 15. Разд. V. С. 1–37.
- Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII веке // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. СПб., 1912. Т. 21, вып. 2–3. С. 65–91.
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 17. С. 7–8. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/2758.html> (дата обращения 08.01.2020).
- Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36, ч. 1. 382 с.
- РКО – Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М.: Наука, 1969. Т. 1. 614 с.; 1972. Т. 2. 835 с.
- РМО – Русско-монгольские отношения. 1685–1691: Сб. док. М.: Вост. лит., 2000. 488 с.
- Указатель к общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи. СПб.: Тип. Сириус, 1910. 153 с.

References

- Ainchina T. M.** Drevnii evenkiiskii rod Gantimurovykh [The Ancient Evenk Clan of the Gantimurovs]. In: Zabaikal'skoe kazachestvo na sluzhbe Otechestvu: istoriya i sovremennost' [Trans-Baikal Cossacks Guard the Fatherland: History and Modernity]. Ulan-Ude, 2006, p. 92–96. (in Russ.)
- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia in the Far Eastern Borders (Second Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984, 272 p. (in Russ.)
- Arsenyev Yu.** Rod knyazei Gantimurovykh. Genealogicheskaya spravka [The Clan of the Gantimurov Princes. Genealogical Reference]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1904, 10 p. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII–XVIII v. [Cities and Fortresses of Transbaikalia and Amur Region in the Second Half of the 17th – 18th Centuries]. Vladivostok, 1999, 335 p. (in Russ.)

- Artemyev A. R.** Rossii vernoe sluzhenie (Rod knyazei Gantmiurovykh) [Faithful Service to Russia (Clan of the Gantmiurov Princes)]. In: Zabytye imena [Forgotten Names]. Vladivostok, 1995, p. 47–59. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** Evenkiiskie knyaz'ya Gantimurovy na sluzhbe Rossii [Evenk Princes of Gantimurov in the Service of Russia]. In: Etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i so-predel'nykh territorii (po dannym etnografii) [Ethnic History of the Turkic Peoples of Siberia and Neighboring Territories]. Omsk, 1992, p. 8–12. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** The Gantimurov Princes in Russian Service. *Journal de la Societe Finn-Ougrienne*, 1992, vol. 84, p. 7–20.
- Baddeley J. F.** Russia, Mongolia, China: Being Some Record of the Relations between them from the Beginning of the 17th Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. London, Macmillan and Company, 1919, vol. 2, 445 p.
- Bergholz F. W.** The Partition of the Steppe: the Struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for Empire in Central Asia, 1619–1758: A Study in Power Politics. New York, Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1993, 522 p.
- Besprozvannykh E. L.** Priamur'e v sisteme rusско-kitaiskikh otnoshenii: XVII – seredina XIX v. [Amur Region in the System of the Sino-Russian Relations: 17th – Middle 19th Century]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986, 336 p. (in Russ.)
- Boguslavsky V. V.** Gantimur [Gantimur]. In: Slavyanskaya entsiklopediya. XVII vek [Slavic Encyclopedia. 17th Century]. Moscow, 2004, vol. 1, p. 305. (in Russ.)
- Bolonev F. F.** “Ne zhestoch'yu, a laskoyu”: otnoshenie russkikh vlastei k evenkiiskomu rodu Gantimurova v XVII–XIX vv. [“Not by Cruelty, but by Kindness”: the Treatment of the Evenk Clan of Gantimurov from the Russian Authorities in the 17th – 19th Centuries]. In: Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeistviya narodov Sibiri [Issues of Interethnic Relations between the People of Siberia]. Novosibirsk, 2002, p. 28–31. (in Russ.)
- Damdinov D. G.** O predkakh Gantimurovykh (titulovannykh knyazei i dvoryan po moskovskomu spisku) [On the Ancestors of the Gantimurovs (Princely Families and Nobility according to the Moscow List)]. Ulan-Ude, 1996, 94 p. (in Russ.)
- Dumin S. V.** Knyaz'ya Gantimurovy [The Gantimurov Princes]. In: Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii [Noble Families of the Russian Empire]. Moscow, 1996, vol. 3, p. 215–217. (in Russ.)
- Elert A. Kh.** Novye materialy k biografii tungusskogo knyazya Gantimura [New Materials for the Biography of the Tungus Prince Gantimur]. In: Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya [Problems of History, Russian Book-Learning, Culture and Collective Consciousness]. Novosibirsk, 2000, p. 416–421. (in Russ.)
- Elert A. Kh.** Vedomosti Nerchinskoi vovodskoi kantselyarii o rodovom sostave, chislenosti, rasselenii i yasachnykh platezhakh korenного naseleniya uезда (1735 g.) [The Source Book of the Nerchinsk Voivode Chancellery on the Family Structure, Population Size, Settlement and Yasak Tribute of the Indigenous People of the County (1735)]. In: Traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv. [Traditions of Russian Intangible Culture in the Written Sources of the 16th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 2018, p. 271–289. (in Russ.)
- Eliasov L. E.** Fol'klor Vostochnoi Sibiri [Folklore of Eastern Siberia]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, pt. 3, 496 p. (in Russ.)
- Fisher E.** Sibirskaya istoriya [Siberian History]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1774, 631 p. (in Russ.)
- Gantimurovy [The Gantimurovs]. Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1892, vol. 8, p. 96–97. (in Russ.)
- Gelber H. G.** The Dragon and the Foreign Devils: China and the World, 1100 B. C. to the Present. London, New York, Berlin, Bloomsbury Publishing, 2008, 492 p.
- Grigoryeva E. A.** Problema Gantimura v rusско-kitaiskom spore XVII v. o granitsakh [The Problem of Gantimur in the Context of the Russian-Chinese Border Disputes during the 17th Centu-

- ry]. In: *Istoricheskaya geografiya: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve* [Historical Geography: Human Space vs Human in Space]. Moscow, 2011, p. 219–222. (in Russ.)
- Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XX vv. [The History of Northeast China in the 17th – 20th Centuries]. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, book 1, 424 p. (in Russ.)
- Ivanchik S. N., Kononenko N. I.** Knyaz' E. I. Gantimurov (tainy proiskhozhdeniya roda) [Prince E. I. Gantimurov (Secrets of the Clan's Origin)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta vodnogo transporta, 2016, 99 p. (in Russ.)
- Izgachev V. G.** Russkii zemleprokhodets Petr Ivanovich Beketov [Russian Explorer Pyotr Ivanovich Beketov]. In: *Uchenye zapiski Chitinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scholarly Notes of the Chita State Institute]. Chita, 1959, iss. 4, p. 79–100. (in Russ.)
- Karnovich E. P.** Zamechatel'nye bogatstva chastnykh lits v Rossii [Extraordinary Wealth among Private Individuals in Russia]. St. Petersburg, Izdaniye A. S. Suvorina, 1885, 330 p. (in Russ.)
- Khartanovich M. F., Khartanovich M. V.** Tungusskie knyaz'ya Gantimurovy [The Tungus Princes of Gantimurov]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First Hand], 2011, no. 3, p. 70–83. (in Russ.)
- Khazankovich Yu. G.** Evenki, Kitai i Rossiya (istoricheskie metamorfozy i literaturnye paradoksy) [The Evenks, China and Russia (Historical Metamorphoses and Literature Paradoxes)]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Problems of Far East], 2008, no. 5, p. 171–178. (in Russ.)
- Knyaz' Gantimur [Prince Gantimur]. *Moskovskie tserkovnye vedomosti* [Moscow Church Newspaper], 1885, no. 38, p. 3. (in Russ.)
- Konstantinov A. V., Konstantinova N. N.** Istoriya Zabaykal'ya (s drevneishikh vremen do 1917 goda) [The History of Transbaikalia (from Ancient Times to 1917)]. Chita, Izdatel'stvo Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002, 248 p. (in Russ.)
- Konstantinova N. N.** Gantimur [Gantimur]. In: *Entsiklopediya Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast'* [Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region]. Novosibirsk, 2003, vol. 2, p. 224. (in Russ.)
- Krasnoshtanov G. B.** Erofei Pavlovich Khabarov [Erofeev Pavlovich Khabarov]. Khabarovsk, RIOTIP, 2008, 752 p. (in Russ.)
- Lobanov-Rostovsky A. B.** Russkaya rodoslovnaya kniga [Russian Genealogical Book]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, 1895, vol. 1, 476 p. (in Russ.)
- Lyubimov S. V.** Titulovannyye rody Rossiiskoi imperii [Noble Families of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1910, vol. 2, 88 p. (in Russ.)
- Maksimov S. V.** Sibir' i katorga [Siberia and Penal Labor]. St. Petersburg, Tipografiya A. Transhelya, 1871, pt. 3, 388 p. (in Russ.)
- Mancall M.** Russia and China: their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1971, 396 p.
- Mazurov I. V., Pastukhov A. M.** Ocherki istorii Rossiiskogo Dal'nego Vostoka [Essays on the History of the Russian Far East]. Khabarovsk, Izdatel'stvo DVAGS, 2009, book 1, 383 p. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** Kak gotovilas' agressiya feodal'nykh pravitelei Tsinskogo Kitaya protiv russkikh poselenii na Amure v 80-kh godakh XVII v. [How the Feudal Rulers of the Ch'ing Empire Prepared Their Aggression against the Russian Settlements on the Amur in the 1680s]. In: *Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii* [Documents Refute. Against the Falsification of the History of Russian-Chinese Relations]. Moscow, 1982, p. 71–98. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** Man'chzhury na Severo-Vostoke (XVII v.) [Manchus in the Northeast (17th Century)]. Moscow, Nauka, 1974, 246 p. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** O severnoi granitse votchinnnykh vladanii man'chzhurskikh (tsinskikh) feodalov v period zavoevaniya imi Kitaya (40–80-e gody XVII v.) [The Northern Border of the Patrimonial Estates of Manchu (Ching) Feudal Lords during the Conquest of China (1640s to

- 1680s)]. In: Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii [Documents Refute. Against the Falsification of the History of Russian-Chinese Relations]. Moscow, 1982, p. 18–70. (in Russ.)
- Myasnikov V. S.** Imperiya Tsin i Russkoye gosudarstvo v XVII veke [The Qing Empire and the Russian State in the 17th Century]. Moscow, Nauka, 1980, 311 p. (in Russ.)
- Myasnikov V. S.** Kvadratura kitaiskogo kruga: izbrannye stat'i [Quadrature of the Chinese Circle: Selected Articles]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2006, book 1, 550 p. (in Russ.)
- Parshin V. P.** Nerchinskie tungusy [Nerchinsk Tungus]. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs], 1844, pt. 5, p. 129–140. (in Russ.)
- Parshin V. P.** Poezdka v Zabaikal'skii krai [A Trip to the Trans-Baikal Territory]. Moscow, Tipografiya N. Stepanova, 1844, pt. 2, 208 p. (in Russ.)
- Perdue P. C.** China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, London, Belknap Press of Harvard Uni. Press, 2005, 725 p.
- Polevoy B. P.** Izvetsnaya chelobitnaya S. V. Polyakova 1653 g. i ee znachenie dlya arkheologov Priamur'ya [The Famous Petition of S. V. Polyakov (1653) and Its Significance for the Archaeologists of the Amur Region]. In: Russkie pervopokhodtsy na Dal'nem Vostoke (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya) [Russian Explorers in the Far East (Historical and Archaeological Research)]. Vladivostok, 1995, vol. 2, p. 7–54. (in Russ.)
- Popov I. M.** Rossiya i Kitai: 300 let na grani voyny [Russia and China: 300 Years on the Brink of War]. Moscow, Izdatel'stvo Astrel, Izdatel'stvo AST, Ermak, 2004, 510 p. (in Russ.)
- Russkaya rodoslovnaya kniga [Russian Genealogical Book]. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1873, 435 p. (in Russ.)
- Sambueva L. V.** Buryatskoe i evenkiiskoe kazachestvo na strazhe Otechestva (vtoraya chetvert' XVIII – pervaya pol. XIX v.) [The Buryat and Evenk Cossacks Guard the Fatherland (the Second Quarter of the 18th – the First Half of the 19th Century)]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo VSGTU, 2003, 208 p. (in Russ.)
- Serebrennikov I. I.** Knyaz' Gantimur. Istoricheskii ocherk [Prince Gantimur: Historical Essay]. Shanghai, Far Eastern Times, 20 p. (in Russ.)
- Shcheglov I. V.** Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannykh iz istorii Sibiri 1032–1882 gg. [A Chronological List of the Most Important Data of the History of Siberia 1032–1882]. Surgut, Severnyi dom, 1993, 463 p. (in Russ.)
- Shumakher P. V.** Nashi snosheniya s Kitaem (s 1567 po 1805) [Our Relations with China (from 1567 to 1805)]. *Russkii arkhiv* [Russian Archive], 1879, no. 6, p. 145–183. (in Russ.)
- Sladkovskiy M. I.** Ocherki ekonomicheskikh otnoshenii SSSR s Kitaem [Essays on the Sino-Soviet Economic Relations]. Moscow, Vneshtorgizdat, 1957, 454 p. (in Russ.)
- Slotsov P. A.** Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical Review of Siberia]. Novosibirsk, Izdatel'stvo "Ven-Mer", 1995, 676 p. (in Russ.)
- Solomin A. V.** Knyaz'ya Gantimurovy [The Gantimurov Princes]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2016, 276 p. (in Russ.)
- Some Account of the Tungousians in General, and the Transbaikal Tungousians in Particular. *The Asiatic Journal and Monthly Register for British India and its Dependencies*, 1824, vol. 17, no. 102, p. 593–602.
- Spassky G. S.** Istoricheskie svedeniya o sibirskikh tungusakh voobshche i o zabaikal'skikh v osobennosti [Historical Information on Siberian Tungus in General and about Transbaikal Tungus in Particular]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin], 1822, pt. 18, p. 339–348. (in Russ.)
- Tikhvinsky S. L.** Nekotorye voprosy formirovaniya severo-vostochnoi granitsy Tsinskoi imperii [An Issues of the North-Eastern Border Formation of the Qing Empire]. In: Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika SSSR: Istoriya i sovremennost' [International Relations and Foreign Policy of the USSR: History and Present]. Moscow, 1977, p. 315–323. (in Russ.)

- Trusevich Kh. I.** Posol'skie i torgovye snosheniya Rossii s Kitaem (do XIX veka) [The Sino-Russian Diplomatic and Trade Relations (until the 19th Century)]. Moscow, Tipografiya T. Malinskogo, 1882, 304 p. (in Russ.)
- Tsybenov B. D.** Daurskie rody v XVII v. [The Daur Clans in the 17th Century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2011, no. 8, p. 238–246. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Konnye tungusy (Etnicheskaya istoriya i etnogenez) [Nomadic Tungus (Ethnic History and Ethnogenesis)]. In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and Ethnic History of the Indigenous Peoples of the North]. Moscow, 1975, p. 78–110. (in Russ.)
- Ukhtomsky E. E.** Puteshestvie po Zabaikal'yu. Iz knigi „Puteshestvie na Vostok” (gosudarya imperatora Nikolaya II (1890–1891 gg.) [Traveling Transbaikalia. From the Book “Travels in the East” (of Nicholas II, Emperor of Russia (1890–1891)]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992, 39 p. (in Russ.)
- Uspensky V. L.** Iz istorii russko-kitaiskikh otnoshenii v XVII v. (po novym dokumentam na mongol'skom yazyke) [From the History of Russo-Chinese Relations in the 17th Century: (According to Newly Found Documents in the Mongolian Language)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin], 2012, no. 33, p. 10–17. (in Russ.)
- Uvarova T. B.** Nerchinskije evenki v XVIII–XX vekakh [The Nerchinsk Evenks in the 18th – 20th Centuries]. Moscow, INION RAN, 2004, 164 p. (in Russ.)
- Vneshnyaya politika gosudarstva Tsing v XVII veke [Foreign Policy of the Qing Empire in the 17th Century]. Moscow, Nauka, 1977, 385 p. (in Russ.)
- Yakovleva P. T.** Pervyi russko-kitaiskii dogovor 1689 goda [The First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, 235 p. (in Russ.)
- Zakharov A. V.** Moskovskaya sluzhilaya elita i poslednie pozhalovaniya v dumnye chiny pri Petre I [The Elite of Moscow Service People and Last Granting of Duma Ranks under the Reign of Peter I]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 34, p. 45–55. (in Russ.)
- Zolnikova N. D.** Sysk D. L. Polyanskogo i “pis'ma” Izbranta Idesa [The Department of Investigations of D. L. Polyansky and the “Letters” of Ysbrants Ides]. In: *Publitsistika i istoricheskie sochineniya perioda feodalizma* [Opinion Journalism and Historical Writings of the Feudal Period]. Novosibirsk, 1989, p. 180–220. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Gantimurovy [The Gantimurovs]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2009, p. 368–369. (in Russ.)
- Zuev A. S.** O vlastnom statuse tungusskogo knyazya Gantimura [On the Political Status of the Tungus Prince Gantimur]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, 2012, vol. 18, p. 346–349. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Khan Timur, bulat ili strelok iz luka: k etimologii imeni tungusskogo knyazya Gantimura [Khan Timur, Damask Steel or Archery: about the Etymology of the Name of the Tungusic Chieftain Gantimur]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 5, p. 242–248. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Gantimur i russkie zemleprokhodtsy: iz istorii russko-tungusskikh otnoshenii v Zabaikal'e v seredine XVII v. [Gantimur and Russian Explorers: from the History of Russian-Tungus Relations in Transbaikalia at the Middle of the 17th Century]. In: *Sibir' v imperii – imperiya v Sibiri: imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVIII – nachale XX v.* [Siberia and Empire – Empire and Siberia: Imperial Processes in the Remote Areas of Russia in the 18th – early 20th Centuries]. Irkutsk, 2013, p. 134–152. (in Russ.)
- Zuev A. S., Ignatkin P. S., Slugina V. A.** Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the Canopy of the Double-

Headed Eagle: The Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, IPTS NSU, 2017, 444 p. (in Russ.)

List of Sources

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1842, vol. 4, 592 p. (in Russ.)
- Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossiiskim i Kitaiskim gosudarstvami s 1619 po 1792-i god, sostavlennoe po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom Arkhive Gosudarstvennoi kollegii Inostrannykh del, v 1792–1803 godu Nikolaem Bantysh-Kamenskim [Diplomatic Collection of Cases between the Russian and Chinese States from 1619 to 1792: Compiled According to Documents Kept in the Moscow Archive of the State Collegium of Foreign Affairs, in 1792–1803 by Nikolay Bantysh-Kamensky]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1882, 565 p. (in Russ.)
- Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Addendums to Historical Acts, Collected and Published by Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1848, vol. 3, 539 p.; 1857, vol. 6, 477 p.; 1859, vol. 7, 374 p.; 1867, vol. 10, 504 p. (in Russ.)
- Doprosy, sdelannye Khabarovym dautsam, vzyatym v plen v 1651 godu [Khabarov's Interrogations of the Daurians, Captured in 1651]. Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voennouchebnykh zavedenii [The Magazine for Students of Military Schools], 1840, vol. 27, no. 105, p. 81–84. (in Russ.)
- Istoricheskie akty o podvigakh Erofeya Khabarova na Amure v 1649–1651 gg. [Historical Acts Concerning Erofeiy Khabarov's Amur Exploits in 1649–1651]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland], 1840, vol. 1, p. 85–126. (in Russ.)
- Ivanovsky A.** Posol'stvo Spafariya [The Spathari's Embassy]. In: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1888, vol. 2, p. 81–124, 195–220. (in Russ.)
- Izbrant Ides, Adam Brand. Zapiski o posol'stve v Kitai (1692–1695) [Notes on the Embassy to China (1692–1695)]. Moscow, Nauka, 1967, 403 p. (in Russ.)
- Man'chzhurskaya khrestomatiya [Manchurian Chrestomathy]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1895, iss. 2, 255 p. (in Russ.)
- Nakaz Afanasiyu Filippovichu Pashkovu na vovodstvo v Dauriskoi zemle [Instruction to Afanasy Filippovich Pashkov for the Voivode's Post in Dauria Land]. In: Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, 1894, vol. 15, section V, p. 1–37. (in Russ.)
- Nekotorye man'chzhurskie dokumenty iz istorii russko-kitayskikh snoshenii v XVII-m veke [A Manchu Documents on the History of Russo-Chinese Relations in the 17th Century]. In: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1912, vol. 21, iss. 2–3, p. 65–91. (in Russ.)
- Obshchii gerbovnik dvoryanskikh rodov Vserossiiskoi imperii [The General Armorial of the Noble Families of the All-Russian Empire], pt. 17, p. 7–8. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/2758.html> (accessed 08.01.2020). (in Russ.)
- Opisanie Irkutskogo namestnichestva 1792 goda [Description of the Irkutsk Viceroyalty in 1792]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 254 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1987, vol. 36, pt. 1, 382 p. (in Russ.)

- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 17th Century: Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1969, vol. 1, 614 p.; 1972, vol. 2, 835 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1685–1691: Sbornik dokumentov [Russian-Mongol Relations. [1685–1691]. Collection of Documents]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000, 488 p. (in Russ.)
- Ukazatel' k obshchemu gerbovniku dvoryanskikh rodov Vserossiiskoi imperii [Index to the General Armorial of the Noble Families of the All-Russian Empire]. St. Petersburg, Tipografiya Sirius, 1910, 153 p. (in Russ.)
- Vitsen N.** Severnaya i Vostochnaya Tartariya [The North and East Tartary]. Amsterdam, Pegasus, 2010, vol. 1, 624 p. (in Russ.)
- Vladislavich-Raguzinskiy S. L.** Sekretnaya informatsiya o sile i sostoyanii Kitaiskogo gosudarstva [The Secret Report on Power and Situation in the Chinese Empire]. *Russkii vestnik* [*Russian Bulletin*], 1842, no. 2, p. 180–243. (in Russ.)
- Vysochaishe uchrezhdennaya pod predsedatel'stvom stats-sekretarya Kulomzina komissiya dlya issledovaniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Zabaykal'skoi oblasti. Materialy [Collection of Materials from the High Commission for the Study of Local Land Tenure and Land Use in Transbaikalia, Chaired by State Secretary Kulomzin]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1898, iss. 5, 472 p. (in Russ.)
- Zhurnal vedennyi v Pekine po sluchayu pribytiya iz Rossii poslannika Nikolaya Gavrilovicha Spafariya, otpravlennogo po vysochaisheму Ego Tsarskogo Velichestva ukazu v 1676 godu, tsarstvovaniya kitaiskogo Khuandiya Kansiya v 15 leto / Perevod s man'chzhurskogo [The Journal on the Arrival of the Envoy Nikolai Gavrilovich Spathari from Russia, Sent by the Decree of His Tsarial Majesty in 1676, in the 15th Summer of the Reign of Chinese Xuanye Kangxi, Kept in Beijing / Translation from Manchu]. *Sibirskii vestnik* [*Siberian Bulletin*], 1823, pt. 3, p. 29–100. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
30.04.2020

Сведения об авторе

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
zuev.nsu@gmail.com

Information about the Author

Andrey S. Zuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Director, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
zuev.nsu@gmail.com